

Роберт Бреннер

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ИМПЕРИАЛИЗМОМ И ЧТО ИМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ?¹

Работа Дэвида Харви «Новый империализм», которая первоначально представляла собой серию лекций, прочитанных в Оксфорде в феврале 2003 г., когда США готовили вторжение в Ирак, — богатое, дерзкое и необыкновенно всестороннее рассмотрение того, что представляет собой капитализм в своих самых недавних формах². Для введения в курс дела автор предлагает свою интерпретацию империализма в его классической фазе (1884–1945 гг.), эта интерпретация призвана стать теоретическим и историческим основанием для всего того, что последует далее. На этом фоне он объясняет взлет США до беспрецедентных высот власти в период после Второй мировой войны и прослеживает природу их гегемонии. Это становится отправной точкой его непосредственного рассмотрения нового империализма, который он трактует как реакцию на упадок прибыльности и последовавшие за ним проблемы для накопления капитала в самом средоточии капитализма. Весь этот процесс постепенно набирает обороты с 1960-х гг. и продолжается вплоть до наших дней. Главная цель Харви — понять взаимоотношения между этим новым неолиберальным империализмом, достигшим своего расцвета при Буше-старшем и Клинтоне, и гиперимперским военно-экспансионистским проектом администрации Буша-младшего.

ИМПЕРИАЛИЗМ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ: ДВЕ ЛОГИКИ

Свое понимание империализма Харви стремится обосновать с помощью двух концептуально различных, но исторически неразрывно переплетенных логик власти. С одной стороны, существует то, что он называет «тер-

1 Перевод по изданию: *Brenner R. What is, and what is not, imperialism? // Historical Materialism. Vol. 14. No. 4. P. 79–105.*

2 Хотелось бы поблагодарить Вивека Чиббера за его внимательное прочтение данного текста и его ценную критику и замечания.

риториальной логикой власти». Это логика государств, «долговременных сущностей», которые, как правило, «ограничены фиксированными территориальными границами». Она осуществляется государственными деятелями и политиками, «власть которых опирается на управление территориями и способность мобилизовать ее человеческие и природные ресурсы». С другой стороны, существует «капиталистическая логика власти». Она выражает себя в «микрпроцессах накопления капитала», «протекающих через и сквозь пространство по направлению к (или прочь от) территориальным сущностям посредством каждодневных практик производства, торговли, направления потоков капитала и т. д.». Данная логика осуществляется капиталистическими фирмами, которые в процессе индивидуального атомистического поиска прибыли «приходят и уходят, меняют свое расположение, сливаются или выходят из бизнеса»³. Для того чтобы понять империализм, говорит Харви, «существенно важно увидеть территориальную и капиталистическую логику власти в их различии друг от друга»⁴. Допустим, что мы признаем в самых общих чертах это различие, но здесь возникает вопрос: как его правильно понимать и каковы конкретные его следствия?

Указание Харви на разницу интересов двух сторон до конца не разъясняет проблему. «Прежде всего, — утверждает он. — Интересы акторов [капитал и государство] различаются». «Капиталист [...] будет искать пути накопления большего капитала», тогда как «политик и государственный деятель будет стремиться к поддержанию и упрочению власти своего государства по сравнению с другими государствами»⁵. Здесь проблема заключается в том, что если логика капиталистической власти ясна, то территориальной власти — нет. Индивидуальные акторы капитала, действующие на одном поле с другими капиталами, движимы главным стимулом: реинвестировать свои излишки, так как от этого зависит их выживание в конкурентной борьбе. Следствием этого является то, что логика капитала может быть выявлена достаточно легко. Она полностью выражена в «динамике бесконечного накопления» или «накопления ради самого себя»: все расширяющееся воспроизводство одного и того же ведет к росту рабочей силы, а также почти неизбежно к расширению географического размаха системы. Вряд ли можно утверждать, что отдельные государства, действующие в одном пространстве со многими другими государствами, движимы теми же, что и капитал императивами, и, следовательно, заинтересованы как государства в территориальной экспансии. Тезис Харви о «накоплении контроля за территорией как самодостаточной цели»⁶, который он представляет как выражение логики

3 Harvey 2003, pp. 26–7.

4 Harvey 2003, p. 29.

5 Harvey 2003, p. 27. Сравните со следующим: «Что касается [государственных акторов], то я хотел бы подчеркнуть те политические, дипломатические и военные стратегии, которые задействуются и используются государством [...] по мере того, как оно борется за утверждение своих интересов и за достижение своих целей в мире в целом». (p. 26).

6 Harvey 2003, p. 32.

территориальных государств, лишен смысла и имеет под собой мизерное эмпирическое основание. Сравните почти неизменное длительное постоянство границ основных капиталистических государств с непостоянством капиталистических фирм (даже наиболее крупных).

Харви предупреждает нас, что литература об империализме слишком часто механически описывает стратегии государства и империи в терминах капиталистических императивов, и утверждает, что две логики власти «часто борются друг с другом вплоть до открытого антагонизма»⁷. При этом Харви так никогда и не поясняет, почему он ждет конфликта между территориальной и капиталистической логиками власти. Его примеры несколько не проясняют этот момент. Совершенно верно, как утверждает Харви, что ни война во Вьетнаме, ни вторжение в Ирак не могут быть объяснены «исключительно в понятиях непосредственных императивов накопления капитала». Вполне можно утверждать, что обе эти авантюры «воспрепятствовали, а не способствовали делу капитала», однако данный тезис нуждается в доказательстве — он отнюдь не очевиден⁸. Даже если предположения Харви верны, то это никоим образом не означает, что имперские вторжения США во Вьетнам и Ирак представляют собой территориальную логику власти в противовес капиталистической логике. Наоборот, как поясняет сам Харви, основная международная стратегия США в послевоенную эпоху — «стратегия, предварившая вторжение США во Вьетнам» — состояла в том, чтобы «держать мир максимально открытым для накопления капитала через экспансию торговли, коммерции и возможностей для иностранного инвестирования»⁹. Вытекающее отсюда следствие, с которым Харви вряд ли бы мог не согласиться, заключается в том, что вторжение во Вьетнам объясняется именно логикой капитала, а вовсе не альтернативной логикой территории, коренящейся в «особых интересах и мотивациях» государственных деятелей¹⁰. Основополагающая концепция империализма Харви как «противоречивого смешения» «„политик государства/империи“ (империализм как политический проект) и „микропроцессов накопления капитала“ (империализм как некий политико-экономический процесс)»¹¹ остается не проясненной. Якобы конфликтующие интересы и процессы, лежащие в основе этого «противоречивого смешения», все еще требуют прояснения.

Крайне трудно выявить ту реальную социальную силу в государстве, которая является носителем интересов, противоречащих интересам капитала в аспекте внешней политики. Вне всякого сомнения, все бюрократии, вклю-

7 Harvey 2003, p. 29.

8 Harvey 2003, p. 30. По не совсем понятным причинам Харви делает в этом месте, а также в иных местах, вывод о том, что внешняя политика становится выражением конфликта между территориальной и капиталистической логиками власти в тот момент, когда эта политика в ее реальном воплощении оказывается контрпродуктивной, то есть когда издержки (особенно капитала) превышают доходы.

9 Ibid.

10 Harvey 2003, p. 27.

11 Harvey 2003, p. 26, акценты расставлены мной.

чая связанные с внешней политикой, имеют особые интересы, связанные с расширением как своих размеров, так и своего финансирования. Однако вряд ли Харви станет утверждать, что чиновники государственного департамента США или ЦРУ, или даже Министерства обороны (или их эквиваленты по всему миру), имеющие дело с внешней политикой, кровно заинтересованы в заморской экспансии (даже если они хотят использовать «внешнюю угрозу» для оправдания собственного разрастания). Кроме того, никто из бюрократов, занятых внешней политикой, не представляет собой государственного деятеля в буквальном смысле этого слова: сами по себе они не делают внешнюю политику, они служат тем, кто делает эту политику. Более того, есть ли хоть какие-то основания верить, что интересы тех чиновников, которые на самом деле осуществляют внешнюю политику США — так называемые управители государства, то есть президент, госсекретарь, советник по национальной безопасности, министр обороны, главы разведывательных служб и т. д., — вытекают из того положения, которое они занимают в государстве, и что суть этих интересов сводится к конкретной внешней политике, особенно экспансионистской. Имеет ли хоть какой-нибудь смысл называть команды государственных деятелей, определявших имперскую политику США между Второй мировой войной и 2000 г. и возглавлявшихся Труманом-Ахесоном, Эйзенхауэром-Даллесом, Кеннеди-МакНамаррой-Руском, Никсом-Киссинджером, Фордом-Киссинджером, Картером-Бжезинским, Рейганом-Шульцом, Бушем-старшим-Бэйкером, Клинтон-Кристофером-Лэйком, представителями интересов государства в противовес интересам капитала? Сама постановка этих вопросов уже предполагает ответы на них.

Вне всяких сомнений, каждый человек, ответственный за функционирование государства, должен беспокоиться о его надлежащем функционировании и увековечивании, следовательно, он должен беспокоиться о безопасности государства перед внешними угрозами. Однако трудно понять, как в этом основополагающем отношении его интересы будут отличаться от интересов капиталистического класса. От последнего в нормальных условиях стоит ожидать рассмотрения внешней угрозы «его» государству как угрозы ему самому. Если государственные деятели будут вынуждены отправиться на защиту своего государства против внешней угрозы во имя интересов его выживания и функционирования, вряд ли стоит ждать противодействия со стороны капиталистов. Даже если краткосрочные выгоды капиталистов в результате оборонительных действий государства сократятся, то это не играет существенной роли, так как сама собственность капитала и условия его воспроизводства зависят от той защиты, которую обеспечивает государство.

Как оказывается, реально разворачивая свою интерпретацию капиталистического империализма — в противовес той общей концепции, которую он кладет в основу этой интерпретации — Харви почти целиком полагается на стандартную марксистскую концепцию. Согласно этой концепции, государство, как в своей внутренней, так и внешней политике, зависит от капи-

тала: управленцы (кем бы они ни были) обнаруживают, что реализация их собственных интересов (в чем бы они ни заключались) зависит от увеличения капиталистических прибылей и накопления капитала, так как последнее является неперенным условием экономического роста и финансовой платежеспособности, а также внутренней стабильности и международной мощи. Суть в том, что если те, кто контролирует государство, начнут проводить внутреннюю или внешнюю политику, вмешивающуюся в процесс получения прибыли и накопления капитала и препятствующую ему, то они столкнутся с замедленным ростом и даже рецессией, что приведет к неудаче в достижении любых преследуемых ими целей. Результатом становится приведение в действие определенного гомеостатического механизма, который сужает политику государства до того, что оказывается совместимым с требованиями накопления капитала или что уместается в те лимиты, которые устанавливаются этими требованиями. То есть Харви вводит тезис о «накоплении контроля за территорией как самодостаточной цели»¹² лишь для того, чтобы бросить его подобно горячей картошке. Он очень быстро поясняет,

что капиталистический империализм от других типов империи отделяет то, что в нем доминирует именно капиталистическая логика... [Следовательно] с позиции накопления капитала, империалистическая политика ведет как минимум к поддержанию и эксплуатации любых асимметричных [отношений обмена] и любого асимметричного вложения ресурсов, которых только можно добиться с помощью государственной власти¹³.

Все это так не только в силу того, что «государство является политической сущностью, [...] лучше всего приспособленной для управления этими процессами», но также в силу того, что оно вполне склонно заниматься этим в своих собственных интересах, так как «неудача в этом отношении, скорее всего, приведет к сокращению богатства и власти самого государства»¹⁴.

Вряд ли стоит оспаривать факт наличия рационального зерна в позиции Харви: потенциал для образования значительного противоречия между внешней политикой государства и нуждами капитала, безусловно, существует. Есть множество исторических примеров, подтверждающих это. Однако, как мне кажется, к этой проблеме надо подходить не с позиции наличия сомнительного конфликта между интересами капитала и интересами государства, но с более простого и прямолинейного тезиса: проблематична сама форма государства, которая в силу исторических причин оказалась вынужденной выполнять политические функции, необходимые для воспроизводства капитала. Этой формой является система множества государств. Сама природа капитала (то есть составляющие капитал общественные отношения внутри капитала, а также отношения между капиталом и трудом)

¹² Harvey 2003, p. 32.

¹³ Harvey 2003, pp. 32–3.

¹⁴ Harvey 2003, p. 32.

не может гармонировать с данной формой государства. Единое государство, управляющее глобальным капиталом, наиболее понятно для этого капитала и лучше всего ему соответствует. (Более того, с развитием систем коммуникаций и транспорта такое государство становится технически осуществимым проектом, даже если шансы его возникновения в ближайшем будущем равны нулю¹⁵). Капитализм вырос изнутри системы множества феодальных государств, и именно этим объясняется форма его сегодняшнего политического управления. В процессе своего развития он смог трансформировать феодальные государства, входившие в эту систему, но ему не удалось изменить сам мультигосударственный характер этой системы.

Система множества государств препятствует отдельным правительствам в их деле по продвижению той политики, которая была бы совместима с требованиями капитала. Или, если быть более точным, препятствует эффективному осуществлению тех механизмов, которые делают государство зависимым от капитала в отношении проводимой политики. Причина очевидна. Государства могут проводить внешнюю политику, однако их способность контролировать и предсказывать внешнюю политику прочих государств, их реакции и свои собственные ответные действия на эти реакции заметно ограничены. Дело здесь не только в том, что реальная международная политика всегда оказывается исходом не полностью согласованных действий множества государств, поэтому она может легко оказаться невыгодной для всех. Важнее другое. Когда все обстоит именно так, может перестать функционировать стандартный механизм, увязывающий политику с требованиями накопления капитала (государства пересматривают свою политику, когда она препятствует получению прибыли и замедляет рост). Это связано с невозможностью отдельных государств осуществить необходимое изменение своей политики, которое оказывается достижимым лишь в результате совместного действия двух и более государств. Однако именно последнего достичь и не удается.

Таким образом, здесь идет речь не о конфликте государственных интересов с интересами капитала. Как правило, даже группы с сильными антикапиталистическими настроениями в случае своего прихода к власти, начинают с большой долей вероятности реализовывать те международные стратегии, которые соответствуют потребностям капитала. Обратите внимание на последовательный имперский характер внешней политики развитых капиталистических государств. Эта последовательность не прерывалась даже в случае прихода к власти лейбористских или социалистических партий и была особенно удивительной во время колониальной эпохи. Суть в том, что даже если все государства систематически руководствуются интересами накопления капитала, это может приводить к противоположным результатам. Можно и не упоминать, что преследование государствами интересов своего собственного капитала приводило их к конкуренции и войне — это отправная точка классических марксистских теорий империа-

¹⁵ Chibber 2005, pp. 156–7.

лизма. В равной степени очевидно, что в слишком уж многих случаях результаты были самым ужасным образом не в пользу этих государств. Возьмите в качестве примера Вторую мировую войну. В целом, суть проблемы в следующем: действие любого государства вызывает ответное действие другого государства, что в свою очередь порождает цепную реакцию, никем не контролируемую из участников. Цепные реакции такого рода — суть международной истории. Естественно, что данные цепные реакции не могут целиком объясняться тезисом об их обусловленности интересами капитала и требуют самостоятельного рассмотрения. Данное утверждение в своей основе не противоречит тезисам исторического материализма: в большинстве случаев государства прикладывают все усилия для того, чтобы реализовывать именно те стратегии, которые согласуются с требованиями накопления капитала, так как неудача в этом деле чрезвычайно болезненна.

Как бы там ни было, рассмотрение Харви империализма 1884–1945 гг., а также нового империализма целиком основывается на его собственном понимании природы капиталистической экспансии и кризиса. Это понимание изложено в его сочинении «Пределы капитала»¹⁶. Капиталистическая экспансия тяготеет к тому, чтобы подчинять территориальную логику власти капиталистической логике. Эту идею можно встретить во всех классических марксистских теориях империализма. Согласно Харви, в результате капиталистического кризиса конца 1840-х гг. огромные государственные расходы на инфраструктуру привели к мощной волне капиталистической экспансии третьей четверти XIX в. Это открыло путь к выработыванию огромного числа фиксированного капитала, который, по выражению Харви, был «пространственно и временно фиксирован» в территориальном центре мировой экономики. Интенсификация этих процессов привела к возникновению добавочного капитала, однако последний мог реализовывать себя лишь в тех географических регионах, где он уже накапливался, но на этот раз с гораздо меньшим уровнем прибыли. В конце концов это стало причиной мощного капиталистического кризиса 1873 г. Результатом стало требование «пространственно-временной фиксации» во втором смысле этого понятия, то есть требование реализовать избыточный капитал посредством инвестиций в новые географические регионы помимо Европы, например, в Африку. Буржуазия получила полный контроль над государством, чтобы гарантировать, что инвестиции, вложенные в заморские земли, будут не только политически защищены подобно собственности на родной земле, но что они за счет монополии на право иностранных инвестиций и торговли будут иметь привилегии по отношению к прочим национальным капиталам. Все это достигалось путем создания огромных колониальных империй. Последствия были противоречивыми. Ограничивая вложения в колонии лишь своим собственным национальным капиталом, имперские государства сузили общее пространство накопления капитала в тот момент, когда все большее число избыточного капитала искало путь к выгодному инвести-

16 Harvey 1982.

рованию. Результатом этого стала великая депрессия в межвоенный период. Попытки государств прорваться в эти ограниченные зоны или выйти за их пределы привели к двум мировым войнам.

Повествование Харви об эволюции империализма в период 1884–1945 гг., многое заимствующее у работы «Империализм» Ханны Арендт, гораздо более богато и интересно, чем это краткое схематическое изложение. Само по себе оно достойно похвалы. Рассказывая историю империализма того времени, выразившуюся в бесконечных геополитических конфликтах и двух мировых войнах, Харви никоим образом не использует возможность (хотя это бесчисленным количеством способов делают прочие историки и социальные ученые с различных теоретических и идеологических позиций) указать на эти конфликты и доказать существование антагонизма между капиталистической и территориальной логиками власти. Несмотря на все общие теоретические построения, масштабные волны европейской территориальной экспансии и ее геополитические последствия осмысляются Харви во всей их целостности в терминах императивов накопления капитала.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ГЕГЕМОНИЯ АМЕРИКИ В МИРЕ РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА: КОНЕЦ ИМПЕРИИ?

Логичным следствием тезиса Харви о том, что империализм должен пониматься как доминирование логики власти капитала над логикой территориальной власти (особенно, когда государство предпринимает меры для защиты и обеспечения привилегированного положения своего капитала за пределами территориальных границ), является следующий тезис Арендт: «Бесконечное накопление собственности должно опираться на бесконечное накопление власти». Из данного тезиса следует, что «бесконечный процесс накопления капитала нуждается в политической структуре, обладающей столь „безграничной властью“, что эта структура может справляться со своими обязанностями, лишь постоянно наращивая свою власть»¹⁷.

Этот тезис, пусть и не совсем точно, описывает классический империализм периода 1884–1945 гг., когда государства-империи расширялись до все больших размеров, стремясь к тому, чтобы те экономические привилегии, которые давала эта формальная и неформальная империя, были доступны лишь для национального капитала. Это стало причиной грандиозного межимперского конфликта, сопровождавшегося возникновением еще больших политических сущностей и разрешившегося двумя почти глобальными межимперскими столкновениями. Кульминацией стала Вторая мировая война, стравившая американскую империю и ее европейскую союзницу с нацистской Германией в союзе с итальянской и японской империей. В этом же конфликте принял участие Советский Союз, бывший врагом и мишенью обоих

¹⁷ Harvey 2003, p. 34.

союзов, но оказавшийся союзником сначала первой, после второй, а затем снова первой группы империй.

Применимость тезиса Арендт о никогда не оканчивающемся накоплении, проводящем к никогда не заканчивающемуся расширению власти, к периоду после Второй мировой войны (это пытается сделать Харви) не совсем очевидна. В этот период европейские государства, а также Япония лишились своих империй и не могли более полагаться на колонии и свое политическое и военное могущество с целью защиты и обеспечения привилегий своему капиталу в деле внешних инвестиций и торговли. Межимперская конкуренция, становившаяся причиной войны, прекратилась. США стали воздерживаться от использования своего политического превосходства над странами развитого капитализма для того, чтобы усилить и без того существующие экономические преимущества американских корпораций перед своими потенциальными соперниками из Европы и Японии. Речь об увеличении территории уже даже и не шла. Сама Арендт была осведомлена об этом и выдвигала пробную (по сути, во многом притянутую за уши) гипотезу о том, что возникающее соперничество сверхдержав между Советским Союзом и его сателлитами, с одной стороны, и США с их клиентами — с другой, должно пониматься как кульминация долгого процесса имперской экспансии, начавшейся в 1880-х гг. Эта кульминация привела к возникновению гигантских политических конгломератов, стремившихся защитить и обеспечить привилегии для все большего накопления капитала/ собственности. Если дело именно в этом, говорит она, то «мы возвращаемся, но на этот раз в заметно большем масштабе, к тому, с чего начали, то есть к империалистической эре и к пути противостояния, который привел ко Второй мировой войне». Нам следует, соответственно, ожидать от этих двух империй, обладающих политико-экономической монополией на подконтрольных территориях, битвы за обладание Европой¹⁸. Ничего подобного так и не произошло. Харви не тратит время на рассмотрение анализа Арендт и того прогноза, который она делает. При этом без ответа остается следующий вопрос: в каком смысле можно говорить о продолжении все той же тенденции, подмеченной Арендт и Харви относительно эры классического империализма, в условиях развитого капиталистического мира послевоенных лет.

Для того чтобы обосновать свой тезис о продолжающейся значимости данной тенденции, Харви, по сути, на мгновение подхватывает суждение в духе Арендт о том, что

конструирование американской имперской власти при Рузвельте, Трумене и Эйзенхауэре вплоть до Никсона [...] максимальным возможным образом повторяло советский подход с использованием государств-сателлитов. Различие состояло в том, что Япония, в отличие от Венгрии и Польши, получала право беспрепятственно развивать свою собствен-

18 Arendt 1968, pp. v–vi.

ную экономику, но лишь если та полностью как в политическом, так и военном отношении устраивала США.¹⁹

Однако Харви не продолжает эту мысль. Вместо этого он отталкивается от вывода Джованни Арриги о том, что все большее накопление капитала, начиная с конца Средних веков, регулировалось все более доминантными и эффективными гегемонами. Харви утверждает, что тезис Арриги напоминает и подкрепляет как его собственный вывод, так и вывод Арендт о том, что все расширяющееся накопление капитала вызвало к жизни все увеличивающиеся территориальные державы. Как считает Харви, последняя закономерность полностью подтверждается послевоенной гегемонией США, равной которой не было в истории. Однако это обманчивое впечатление.

Нет никаких сомнений в том, что геополитическое могущество Америки, достигнутое после Второй мировой войны, не имеет аналогов в истории. Не менее сложно отрицать тот факт, что это могущество использовалось для защиты процессов накопления капитала, также не имеющих аналога по своему размаху и динамизму. Однако, как ясно указывает Харви, нет ничего более различного (по сути, это две противоположные крайности), чем то, как этой властью пользуются США в условиях развитого капитализма после 1945 г. и то, как это делали империи в период с 1884 по 1945 гг. Классический империализм сводился к монополии и исключению посторонних в интересах национального капитала. Он неминуемо вел к войне. Гегемония же Америки, как это подробно показывает Харви, касалась поддержания и расширения мировой власти США и обеспечения их капиталистических интересов посредством применения международных экономических и геополитических стратегий, которые одновременно нередко способствовали реализации интересов их экономических партнеров и конкурентов.

Следовательно, как указывает Харви, могущество Америки в Европе и Японии в первом квартале после окончания войны использовалось для защиты капитала, который большей частью ей не принадлежал. В годы, непосредственно следовавшие за войной, американская военная мощь создала условия для возрождения европейского и японского капитала посредством подавления радикального сопротивления рабочего класса. Делалось это для поддержания не только капиталистических прибылей, но и капиталистической собственности. Америка обеспечивала ту безопасность, которая была необходима для расцвета европейского и японского бизнеса, предохраняя последний от так называемой советской угрозы, а также в той мере, в какой это было возможно, от левых движений внутри самих этих стран. Тем самым США до конца века препятствовали началу широкомасштабных войн, которые на протяжении истории все вновь и вновь препятствовали экономическому росту Европы и Японии. В подобном геополитическом контексте США делали удивительно мало для обеспечения привилегий своему собственно-

19 Harvey 2003, p. 6.

му бизнесу перед бизнесом других стран, как союзников, так и оппонентов. Наоборот, они поддерживали и обеспечивали международный экономический порядок между продвинутыми капиталистическими экономиками, что как никогда способствовало процветанию европейского и японского национального капитала.

Первоначально США посредством Бреттон-Вудских соглашений искали пути навязывания многомерного режима свободной торговли, свободных инвестиций и мобильных финансов, то есть «пространства равных возможностей», которое по определению должно было быть захвачено американскими компаниями в силу их высокой производительности и конкурентоспособности. В 1947–1948 гг. это привело к катастрофически большому торговому дефициту в Европе, массовому оттоку капитала из Европы в Америку, возникновению «долларовых излишков», а также реальной угрозы возвращения Европы к экономической автократии и, что еще ужасней, к политической нейтральности. США, как это ясно демонстрирует Харви, превратились в классического гегемона. Тогда Америка вопреки своим интересам стала позволять, даже подталкивать Европу и Японию к защите своего внутреннего рынка, к обузданию финансов, к наложению лимитов на мобильность капитала и к масштабному участию государства в поддержке своего национального капитала. Можно и не говорить, что все это было в интересах капитала США, так как расцвет экономики Европы представлял огромные возможности для прямых иностранных инвестиций США, для роста международного банковского дела США и для роста показателей американского экспорта. Одновременно все это вряд ли осуществлялось в ущерб капиталу Европы, не говоря уже о Японии. На рубеже 1950–1960-х гг. немцы и японцы притесняли США на рынках всего мира. Результатом такой политики США стал не только относительный упадок Америки, но и снижающаяся конкурентоспособность ее индустрии, что бросало вызов ее экономическому могуществу.

Пытаясь проинтерпретировать как классический империализм (1884–1945), так и американскую гегемонию в условиях развитого капитализма (1945–2000) в терминах указываемой им и Арендт тенденции к бесконечной территориальной экспансии, которая следует за все большим накоплением капитала, Харви упускает из виду фундаментальный вопрос об отличии двух этих периодов. Почему империалистическая экспансия, ведущая к противостоянию империй и к войне, как то было до 1945 г., не привела к этому в условиях развитой капиталистической системы после 1945 г.?

НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ РАЗЛИЧНОГО, ЧЕМ ТО, КАК ЭТОЙ ВЛАСТЬЮ ПОЛЬЗУЮТСЯ США В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА ПОСЛЕ 1945 Г. И ТО, КАК ЭТО ДЕЛАЛИ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД С 1884 ПО 1945 ГГ.

Почему господство Америки в послевоенный период над Европой, Японией и Восточной Азией не приняло империалистической формы, подразумевающей для Харви применение политической власти для консолидации, увеличения и закрепления уже существующих экономических преимуществ?

Все это крайне важные размышления. От ответа на эти вопросы зависят прогнозы относительно той формы, которую примет капиталистическая конкуренция в наше время. Различие двух периодов обычно объясняется двумя способами. Согласно первому объяснению, постоянно маячащее присутствие Советского Союза вынуждало США принимать во внимание интересы и, что главное, автономность своих капиталистических союзников в той степени, которая была бы немыслима в случае отсутствия Советского Союза. Второе объяснение заключается в том, что, разрабатывая и применяя политику, делающую возможным экономическое развитие Европы и Японии, США двигалось наикратчайшим путем к максимизации прибыли своих собственных огромных индустриальных и финансовых корпораций, особенно в силу того, что эти корпорации обладали необыкновенной конкурентоспособностью на мировом рынке. Однако, если данные соображения верны, то при прочих равных из них должен следовать совсем иной вывод. Учитывая, что к 1990-м гг. Советский Союз распался, а явное промышленное превосходство Америки сошло на нет (что очевидно на примере равных — если не лучших — с Америкой показателей часовой выработки в современной — не южной — западной Европе), нам (что логично) следует ожидать обострения геополитического соперничества между империями. Конечно, большой вопрос состоит в том, осталось ли все остальное по-прежнему. В частности, может ли применение силы развитыми капиталистическими государствами в современных условиях принести пользу хоть кому-нибудь (даже США), учитывая тот необыкновенный уровень взаимозависимости капитала, где бы тот ни находился. Эта взаимозависимость обусловлена все большей экономической интернационализацией. Это замечание в духе Каутского. Если мыслить абстрактно, то данное замечание не лишено смысла. Однако в условиях неизменных непрекращающихся конфликтов интересов между национальными капиталами (учитывая то, с какой легкостью дают сбой механизмы, делающие государства зависящими от капитала) не следует ли нам ждать попыток могущественных держав, прежде всего США, склонить экономическую конъюнктуру в свою пользу посредством применения силы (не доводя дело до войны) или участия в «локальной войне»? В таком случае не оказываемся ли мы перед перспективой, которую Ленин считал неизбежной, возобновления империалистских конфликтов? Ясно одно: вновь становится актуальным и как никогда ранее важным возвращение к конкретно-историческому теоретизированию по поводу отношений между мировым капитализмом и мировой геополитикой. Эти отношения изучались как левыми, так и правыми начиная с конца XIX в. и вплоть до конца Второй мировой войны, однако затем эта проблематика на целых пятьдесят лет исчезла из повестки дня.

ИМПЕРИАЛИЗМ. АМЕРИКАНСКИЙ СТИЛЬ

Харви вполне обоснованно выявляет имперский характер внешнеполитического лидерства США по отношению к странам развитого капитализма в первые десятилетия после окончания войны и далее. Однако при этом он уделяет мало места описанию наиболее явных форм империализма США в послевоенный период. Речь идет об их постоянном вмешательстве по любому поводу в дела развивающихся стран. Конечно, Харви не может не знать этих ужасных исторических подробностей, которые он в ряде случаев рассматривает отдельно по ходу книги, они получают у него недвусмысленное осуждение. Однако он не предпринимает особых усилий по систематическому рассмотрению взаимоотношений Америки с развивающимся миром и не стремится осмыслить их особенности в сравнении с взаимоотношениями США, Европы, Японии и Восточной Азией. Вместо этого отношения США с развивающимися странами встраиваются в общий анализ послевоенного господства Америки.

Вне всяких сомнений, традиционный взгляд левых на вмешательство США в дела Третьего мира, представленный в наиболее артикулированном виде у Хомского и все чаще повторяемый всевозможными описаниями послевоенной дипломатии США в терминах реальной политики, подчеркивает стремление Америки сделать Третий мир безопасным для капитализма. Данное стремление реализуется через уничтожение коммунистических, социалистических и националистических движений и государств. Их не могут терпеть, так как преследуемая ими цель развития национальных экономик в Третьем мире не может быть достигнута без того, чтобы не ограничить свободу действия мультинациональных корпораций и банков стран развитого капитализма. Такие меры неизбежны, так как развитие национальной экономики требует (это демонстрируют все страны, а в особенности Европа и Япония) определенной степени протекционизма, контроля за движением капитала, подавления финансов и тому подобного. Борьба с данными тенденциями выливалась в череду прямых или косвенных (часто крайне кровавых) военных вмешательств США, ставивших своей целью подавление и свержение неугодного движения или государства. Другими словами речь идет о максимуме силы и минимуме согласия, о максимуме господства и минимуме лидерства.

Однако Харви признает, что это лишь часть истины, поэтому она является как аналитически, так и исторически неполной. Следовательно,

что критики [такие как Хомский, Уильям Блум, Джон Пилджер и Чалмерс Джонсон], видящие только один аспект [военное вмешательство] поведения США, зачастую упускают из вида, так это то, что принуждение и устранение врага — лишь часть (нередко контрпродуктивная) того фундамента, на котором держится власть США [...]. Если бы [согласие и кооперация] на международном уровне не были достижимы, если бы лидерство невозможно было использовать для общего благополучия, то гегемония США уже давно бы кончилась²⁰.

²⁰ Harvey 2003, p. 38.

Тут сразу же возникает вопрос: почему США так озабочены своим господством в развивающемся мире? Не движет ли Америкой обыкновенное желание доминировать? Есть ли доказательства того, что для достижения этой цели — на практике, а не в теории — было использовано что-либо еще помимо масштабной военной силы?

Для иллюстрации тезиса о том, что США включили в свой проект развития не только развитые, но и развивающиеся страны, Харви заявляет, что утвержденные в Бреттон-Вудсе международные структуры — МВФ, Мировой Банк, Генеральные соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и т. д. — были задуманы не для «координации совершенствования развитых капиталистических держав», но для «развития капиталистических экономик во всем остальном не коммунистическом мире»²¹. «В этом отношении США не просто господствовали (*dominant*), но и вели за собой (*hegemonic*)». Они «стали главным действующим лицом в деле распространения власти буржуазии по всему миру»²². Таким образом, «вооруженные теорией „стадий“ экономического развития Ростоу США стремились обеспечить для развивающихся стран „вступление“ на путь экономического развития, которое должно было стимулировать эти страны к массовому потреблению, что в свою очередь должно было свести на нет коммунистическую угрозу»²³.

Говорит ли что-либо в пользу именно такой точки зрения? Харви доходит до утверждения о том, что во время послевоенного подъема «экономический империализм США был за исключением стратегических минералов и нефти достаточно мягким»²⁴. При этом он все же указывает на то, что «США превратились из покровителей национально-освободительных движений, — когда такое было? — в угнетателей всякого народного или демократического движения, которое искало иной (даже умеренно) не капиталистический путь»²⁵. Первоначально это объясняется им в терминах упорного тяготения к стабильности, коренящегося в интересах собственности, стабильность эта противоположна демократическим потрясениям. Однако затем он утверждает, что США поддерживали «варварские диктаторские режимы [...], подобные тем, что существовали в Аргентине в 1970-х гг., Саудитов, Шаха в Иране и Сухарто [...], так как последние поддерживали интересы США»²⁶. В результате «борьба против экономической зависимости, перемешанная с антиколониализмом, в сумме давали антиимпериализм»²⁷.

Харви настаивает на том, что

гораздо более верным является тезис, согласно которому США участвовали одновременно как в практике угнетения, так и в практике лидер-

²¹ Harvey 2003, pp. 53–4.

²² Harvey 2003, p. 54.

²³ Ibid.

²⁴ Harvey 2003, p. 57.

²⁵ Harvey 2003, p. 59.

²⁶ Ibid.

²⁷ Harvey 2003, p. 60.

ства, хотя при этом эти практики могли чередоваться от одного периода к другому и от одной администрации к другой²⁸.

В реальности же Харви доказывает только то, что практика угнетения, а также практика лидерства осуществлялись США не столько в определенные периоды времени (нахождения того или иного президента у власти), сколько по географическому принципу: лидерство для регионов развитого капитализма, господство для бедных стран планеты Земли. Более того, косвенно Харви демонстрирует, что на большей части планеты применения силы вполне хватало для трансляции могущества Америки и для достижения ее целей. Не стоит удивляться, что сегодняшние Чейни, Рамсфельды и прочие неокконы — получавшие образование и формировавшие свои политические взгляды в том числе на фоне постоянных кровавых заварушек в Третьем мире, ставших результатом реализации доктрины Рейгана — твердо убеждены в том, что именно сила является основным фактором истории. Правы ли они в отношении капитализма на его позднейшей стадии — один из центральных неразрешенных вопросов, важных для понимания сегодняшней мировой политики. Нет никаких сомнений, в этом нам помог убедиться сам Харви, что военные вмешательства США в дела Третьего мира на протяжении всего послевоенного периода, подразумевавшие уничтожение не просто большей части левых, но практически любой силы, выступающей за независимое национальное развитие, были важнейшим условием создания предпосылок для нового неолиберального империализма, которому Харви уделяет столько внимания. Идет ли военное вмешательство на пользу или же оно контрпродуктивно для реального воплощения неолиберализма и делания его более эффективным и прибыльным — совсем другой вопрос, ответ на который ищут сегодня среди прочих мест в Ираке.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ «НОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА»: КАКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ? В ЧЕМ КРИЗИС?

Рассуждения Харви об истоках нового империализма после 1973 г., на первый взгляд, повторяют рассуждения об истоках классического империализма после 1873 г.: экономический бум приводит к кризису перепроизводства, как результат, капитал пытается преодолеть «пространственно-временную фиксацию»²⁹. Однако в отличие от случая экономического спада конца XIX в. при анализе истоков экономического кризиса, начавшегося с конца 1960-х гг., и приведшего к замедлению роста, Харви не прибегает к собственной теории о перенакоплении, ведущем к избыточному капиталу. Вместо этого он обращается к тезису о «погоне за прибылью».

Харви утверждает, что снижение прибылей на фоне долгого экономического спада стало результатом множества факторов: рост издержек, дав-

²⁸ Harvey 2003, p. 40.

²⁹ Harvey 2003, pp. 56–9.

ление на цены. Кроме того, произошел классический имперский перерасход сил, связанный не в последнюю очередь с войной во Вьетнаме, ставшей причиной налогового кризиса. Вместе с этим еще один удар по прибылям нанесло усиливающееся рабочее движение, требовавшее повышения расходов на зарплаты и социальное обеспечение. Наконец, усилившаяся конкуренция со стороны Германии и Японии, заставлявшая снижать цены и оберегать свою долю рынка, сделала для американских компаний затруднительным поддержание прежних норм прибыли. Однако рассуждения в этом ключе ведут Харви к самоопровержению: если все это верно, то этим могут быть объяснены лишь краткосрочные экономические трудности, вставшие перед США. Данные объяснения бесполезны в отношении долгосрочного экономического спада, не закончившегося вплоть до сего дня и засасывающего не только США, но и всю мировую экономику. Именно этот спад сам Харви называет скрытой причиной подъема и устойчивости нового империализма.

В ответ на затруднения с извлечением прибыли, вызванные усилением труда, капитал пытается сокращать свои вложения и свое участие, одновременно переносясь в те регионы, где давление рабочего класса еще не столь сильно, а затраты на зарплаты ниже. Тем самым капитал пытается восстановить свою прибыль. Правительству, реагирующему на государственные расходы, увязанные с накоплением капитала, не нужно много мужества, чтобы урезать расходы на социальное обеспечение. Что касается снижения конкурентоспособности, то стандартной реакцией является денежная девальвация, которая, как правило, приводит к выравниванию внутригосударственных цен с мировыми. Как мы знаем, все это происходит практически сразу после первоначального снижения показателей прибыльности, однако до конца решить проблему прибыльности такие меры не в силах. Существует слишком мало доказательств того, что сила рабочего класса в США возросла в то время, когда началось первоначальное снижение прибыльности. Наоборот, в результате усиливающегося наступления капитала на труд, а также в результате глубокой рецессии 1974–1975 гг., сила труда на протяжении 1970-х, когда произошло обрушение системы роста зарплат, таяла. Также есть сомнения в том, что в США в этот период наблюдался фискальный кризис: расходы государств не росли в период 1965–1973 гг. Но даже если бы и происходил реальный рост расходов, он бы быстро прекратился, подобно тому как упали военные расходы после окончания войны во Вьетнаме. Наконец, в период 1969–1973 гг. в ответ на международный валютный кризис и в связи с демонтажем Бреттон-Вудской системы ценность доллара резко упала, что привело к мощному усилению конкурентоспособности США. Короче говоря, нет особых оснований утверждать, что те факторы, о которых упоминает Харви, принесли много вреда в краткосрочной, не говоря уже о долгосрочной перспективе. Вне зависимости от этих факторов прибыль переставала расти, а экономический рост продолжал снижаться вплоть до конца XX в. не только в США, но и во всех продвинутых капиталистических экономиках. Общемировая тенденция к снижению, опи-

раясь на которую Харви строит свое видение нового империализма, продолжала досаждать всей мировой экономике, однако объяснить эту тенденцию интерпретация Харви не в силах.

В свете слабости аргумента о погоне за прибылью особенно странно, что Харви, пытаясь объяснить те трудности, которые начали преследовать мировую экономику, начиная с конца 1960-х гг., даже не пытается привлечь свою собственную концептуальную схему анализа накопления капитала во времени и пространстве. То, как это лучше сделать, можно узнать только у него. Однако как бы там ни было его анализ послевоенного подъема, который может быть рассмотрен в терминах его двойной концепции о пространственно-временной фиксации, представляет собой многообещающую отправную точку анализа. Подобно тому как он это делает с ростом, случившимся после 1850-х гг, Харви рассматривает экономическую экспансию послевоенных лет как, в первую очередь, результат огромных инвестиций: в образование, в систему международных коммуникаций и в развитие пригородов. Масштабная географическая экспансия мировой экономики, которая может быть проинтерпретирована как преодоление «пространственно-временной фиксации», приведшей к кризису межвоенного периода и мировой депрессии, была в такой же степени основополагающей для этого роста. Все это сопровождалось продвижением американских корпораций на Юг и на Запад, а также в Европу. Кроме того, данный рост происходил на фоне экономического подъема в Европе и Японии, завязанного на экспорте на рынок Америки, что в свою очередь привело к возрастанию экспорта США и их прямых иностранных инвестиций, особенно в Европу. Свое рассмотрение начала кризиса, ставшего результатом погони за прибылью, Харви ограничивает США. Однако если бы он включил в поле своего зрения весь мир развитого капитализма, то он бы увидел, что вследствие международного подъема наблюдалась пространственно-временная фиксация во втором смысле: фиксация огромных блоков частого и общественного недвижимого капитала в США, Европе и Японии, что делало все эти экономики уязвимыми. На этом фоне продолжающееся накопление способствовало усилению международной конкуренции и систематическому возникновению излишнего капитала, что привело к кризису прибыльности во всей глобальной экономике и стало причиной начала долгого спада.

НАКОПЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЛИШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

Снижение прибылей, невозможность восстановить их прежний уровень и последующее торможение мировой экономики в целом представляют собой точку отсчета в анализе Харви нового империализма как такового. Корпорации стран развитого капитализма оказываются во власти маниакального стремления отыскать как способы увеличения своей прибыли, так и новые пространства для получения большего дохода от инвестиций. Государства, связанные с этими корпорациями, делают все возможное для удовлетворения этого стремления. «Новый империализм» рассматривает-

ся Харви как основополагающий аспект данного процесса. В основе этого империализма лежит контроль США за распределением кредитов через МВФ, а также за доступом на американский рынок. Контроль за доступом на собственный рынок сопровождается одновременным слежением за открытостью рынков развивающегося мира, прежде всего, для основных финансовых структур и спекулятивного финансового капитала. Эта неолиберальная стратегия хорошо сочетается с общим пониманием Харви империализма как «продвижения внешних и международных институциональных соглашений, благодаря которым асимметрия в рыночных товарных отношениях начинает работать в пользу гегемона»³⁰ (а также прочих ведущих капиталистических держав — Европы и Японии). Харви прав, вновь и вновь демонстрируя как США и его партнеры предпринимали все усилия, чтобы «расходы на девальвацию излишнего капитала», которая сопутствовала рецидивирующему финансовому кризису последних десятилетий, « [были переложены] на самые слабые и уязвимые территории»: Четвертый мир в середине 1980-х и восточноазиатские Новые индустриальные страны в конце 1990-х³¹.

Особый упор в своем анализе нового империализма Харви делает на то центральное значение, которое начинают приобретать процессы, аналогичные тому, что Маркс называл примитивным накоплением, в деле реагирования мирового капитала на проблему перенакпления и излишнего капитала. Харви указывает на те новые возможности, которые данные процессы в результате предоставили капиталистическому извлечению прибыли. Анализ Харви того, что он называет «накоплением через лишение собственности», — один из наиболее стимулирующих на размышления моментов книги. Его тезис о том, что данные процессы — неотъемлемая часть всей истории капитализма, а не только его начальной стадии, не может быть оспорен. Однако сложно понять, почему он считает, будто Маркс испытывал трудности с признанием данного тезиса. Расширенное толкование понятия «накопления через лишение собственности» Харви, применяемого им для анализа процессов трансформации этатистских экономик Советского блока и Китая в капиталистические, очень интересно и открывает пути к дальнейшему теоретизированию. Посредством этих трансформаций государственная промышленность как в развитых, так и в развивающихся экономиках оказалась приватизированной, а прежде общие или принадлежащие государству блага, такие как вода или воздух, были (и продолжают быть) превращены в товар. Его перечень необыкновенного множества способов, каким корпорации с помощью государства или без ононого воруют ценные блага, использование которых в Третьем мире связано с докапиталистическими, зачастую общинными отношениями, и превращают их в капиталистическое богатство, имеет огромное политическое значение. Это значение не снижается, даже если данные процессы напоминают то, что Адам Смит называл первоначальным накоплением. Данное понятие Смита описывает накопле-

30 Harvey 2003, p. 181.

31 Harvey 2003, p. 185.

ние любого богатства вне зависимости от его исторического происхождения, у Маркса же примитивное накопление касается возникновения общественных отношений и отношений собственности, составляющих капитал. В любом случае, замечания Харви чрезвычайно ценны. Однако когда Харви начинает дальнейшее расширение понятия «накопления через лишение собственности», включая в него те процессы и ту государственную политику, которая обыкновенно ассоциируется с накоплением капитала там, где капиталистические общественные отношения и отношения собственности уже утвердили себя, это размывает концепцию Харви и притупляет основную остроту его тезиса.

Суть так называемого примитивного накопления или, в случае Харви, накопления через лишение собственности в преодолении той «связки земли, труда и средств производства, которая характерна для до- и некапиталистических экономик» — а также, как указывает Харви, для национализированных секторов внутри капиталистических экономик — и в последующем подчинении этих факторов производства логике капиталистической погони за прибылью. Эта связка, являющаяся выражением политически обусловленных до- и некапиталистических отношений собственности, структурирующих эти экономики и сектора, делает прямых производителей в некоторых отношениях независимыми от капиталистического рынка, защищает их от конкуренции, блокирует торговли или инвестициям доступ к их продукции и средствам производства, а также дает им большую или меньшую свободу преследовать цели иные, нежели максимизацию прибыли. Все это имеет двойные последствия: (1) капитал в нормальном течении своего саморасширения на все большие пространства оказывается перед сложной или непреодолимой преградой к получению доступа к производителям в этих экономиках и секторах и к их средствам производства; (2) государства и прочие политические сообщества, контролирующие эти экономики и сектора, начинают испытывать прямое экономико-конкурентное давление, трансформировать отношения собственности таким образом, чтобы те оказались встроенными в логику капиталистического извлечения прибыли. По этой причине процессы создания социополитических предпосылок для расширяющегося воспроизводства капитала (то есть создания сферы примитивного накопления капитала или сферы накопления через лишение собственности) должны строго отделяться от накопления капитала как такового. Как справедливо подчеркивает Харви, требуется (даже является основополагающей) государственная или политическая (если говорить более масштабно) воля для того, чтобы примитивное накопление капитала или накопление через лишение собственности стало возможным.

Следовательно, то, что делает примитивное накопление и накопление через лишение собственности столь важными понятиями, так это признание того факта, что капитал сильно ограничен в своей способности создавать условия для собственного расширения. Это, в свою очередь, выводит нас как концептуально, так и эмпирически, на сложную проблему: почему, когда и как государства и прочие политические акторы приходят к необхо-

димости созидания этих условий. Этот вопрос приобретает особую актуальность, когда мы переходим к рассмотрению экономик, структурированных до- и некапиталистическими общественными отношениями и отношениями собственности. В подобных общественных формациях государства и правящие классы слиты друг с другом. Следствием этого является то, что правящие классы в вопросе своего воспроизводства зависят от государства и той системы эксплуатации, которую государство делает возможной. Следовательно, в таких условиях правящие классы заинтересованы скорее в увековечивании существующего порядка, чем в его трансформации в капитализм. Именно в силу того, что докапиталистические правящие классы и крестьяне тяготеют к поддержанию существующих докапиталистических форм собственности, посредством которых они воспроизводят себя, Роза Люксембург делает особый упор на то, как империализм ее эпохи, характеризовавшийся борьбой за колонии, детонировал процессы примитивного накопления (или накопления через лишение собственности). Тем самым он открывал пути к продвижению процессов накопления капитала на периферию. Люксембург формулирует эту взаимосвязь следующим образом:

В силу того что примитивные объединения местных жителей являются мощнейшей защитой их общественной организации и их материальной базы существования, капитал должен начать с планирования систематического разрушения и уничтожения всех некапиталистических общественных единиц, которые препятствуют его развитию [...]. Каждая новая колониальная экспансия сопровождается как само собой разумеющееся безжалостной борьбой капитала против социальных и экономических уз местных жителей, которых при этом насильственно обкрадывают, лишая их средств производства и рабочей силы [...]. Накопление с его судорожным расширением может ждать (и быть этим удовлетворенным) естественной внутренней дезинтеграции некапиталистических формаций и их перехода к товарной экономике не более, чем оно может ждать (и быть этим удовлетворенным) естественного прироста рабочих. Сила — единственное решение, устраивающее капитал; накопление капитала, увиденное как исторический процесс, использовало силу как постоянное орудие не только на заре своего становления, но и далее вплоть до сего дня. С точки зрения тех примитивных обществ, которых это затрагивает, все превращается в вопрос жизни и смерти: для них нет другого выхода, кроме противостояния и сражения до самого конца [...]. Отсюда постоянная военная оккупация колоний³².

Харви совершенно прав, когда он выявляет связь между тенденциями снижения показателей прибыли в основных экономиках мира, начиная с конца 1960-х гг., и последующей интенсификацией империалистического стремления со стороны ведущих государств начать во всем мире социоэкономические трансформации, связанные с накоплением через лишение собственности. Эти государства преследовали цель открыть для капиталистического

32 Luxemburg 1968, pp. 370–1.

извлечения прибыли не просто прежде защищенные ключевые экономические сектора — например, сельское хозяйство в Мексике, ранее бывшее организованным посредством эхидос (*ejidos*), поддерживавших собственность крестьян, или промышленность в Бразилии, Аргентине и в прочих странах, где до этого она функционировала под патронажем государства — но целые этатистские экономики, бывшие до этого вне зоны доступа для капитала (Советский блок, Китай). Однако, сказав это, столь же важно со всей ясностью дать понять, что Харви и делает, что данные трансформации не могут быть осмыслены исключительно в понятиях нужд накопления капитала на мировом уровне или нужд ведущих капиталистических держав. Невозможно их трактовать и как непосредственный итог накопления капитала самого по себе. По самой своей природе эти трансформации должны быть ухвачены не просто в глобальном контексте общего снижения показателей прибыльности и попыток основных государств это исправить, они должны быть рассмотрены сами по себе в свете внутреннего экономического развития и внутренних политических конфликтов.

Если использование понятия «накопление через лишение собственности», равно как и понятия «примитивное накопление», призвано дать понять, что накопление капитала строго ограничено в своей способности порождать социополитические условия собственного расширения, а также привлечь внимание к политическим конфликтам и общественной борьбе, которая необходима для того, чтобы добиться подчинения до- и некапиталистических экономик и секторов логике капитала, то говорить, как это делает Харви, что «капитализм с необходимостью всегда порождает для себя Другого», значит создавать путаницу. Делая это, Харви перечеркивает вышеуказанный смысл использования понятия «накопление через лишение собственности». Еще менее продуктивно включать, как это делает Харви, в данное понятие абсолютно все процессы: стремление капитала перекинуться из одного сектора экономики в другой, ухудшение условий эксплуатации рабочего класса, стремление государства обеспечивать привилегии своим собственным капиталистам в ущерб всем остальным, — все это нормальные побочные продукты уже устоявшейся власти капитала.

Упадок в условиях сельскохозяйственного бизнеса семейных хозяйств, загнанных до смерти требованием максимизации прибыли, — слишком хорошо знакомый аспект капиталистической конкуренции. Сложно понять, зачем Харви пытается включить этот процесс в понятие «накопления через лишение собственности». Это обоснованно не больше, чем включение туда же процессов разрушения семейного бизнеса (как маленького, так и большого) гигантскими корпорациями или утраты работниками «Энрона» своих пенсий, а также рабочих мест в момент прекращения компанией своего существования. Рассматривать потерю рабочими своих рабочих мест в результате банкротства компании, на которую они работали (нормальное явление в рамках прочно устоявшейся системы накопления капитала), в одном ряду с изгнанием крестьян с их земли, как это было в Англии XVIII в. во время процесса огораживания общинных земель или в современной Мек-

сике во время разрушения эхидос (*ejidos*), значит лишать понятие «накопления через лишение собственности» его смысла, суть которого в создании условий для накопления капитала. То же самое можно сказать относительно масштабных изменений характера собственности, что является обычным результатом деятельности акул финансового капитала на все более причудливых рынках, которые они создают и занимают. Все это Харви также по непонятным причинам включает в понятие «накопления через лишение собственности». Дело здесь не только в том, что подобные процессы обычно происходят среди самих капиталистов. Масштабные перераспределения прибыли и богатства, приводящие к их ускользанию от рабочих, есть реальное следствие деятельности финансовых рынков, однако это не менее очевидный результат самого капиталистического механизма, чем эксплуатация рабочей силы. На каком основании нормальная капиталистическая эксплуатация, происходящая в тот момент, когда рабочие берут кредит на «ростовщических» условиях (прямое следствие их лишенности собственности), подпадает под категорию накопления через лишение собственности? В этом случае нам придется точно так же включить сюда сам факт продажи рабочими своей рабочей силы. Более того, следуя за Харви, окажется, что потеря рабочими своих домов в результате невозможности выплачивать долги по кредитам вследствие повышения процентной ставки или ухудшения материального положения, есть тоже проявление все того же самого накопления через лишение собственности³³.

Харви доходит до того, что рассматривает в качестве примеров накопления через лишение собственности девальвацию капитала и труда и их последующую продажу по уцененной стоимости, что уже несколько раз происходило на фоне региональных капиталистических кризисов. Это рассмотрение Харви объясняет тем, что данные кризисы, якобы были искусственно запущены правительством США. Ключевой пример Харви — финансовое крушение в Восточно-Азиатском регионе 1997–1998 гг. Поступая так, он игнорирует тот факт, что данный кризис может быть прекрасно объяснен в понятиях внутренних проблем самих Новых индустриальных стран: чрезмерные вложения в производство, слишком высокие долги и разбухшая финансовая система на фоне глобального перепроизводства. Тезис об американском заговоре здесь вовсе не требуется. Харви незаметно для себя опирается на сомнительную гипотезу о том, что в условиях глубинного неразрывного переплетения судеб мирового капитала в сегодняшней глобальной экономике США сознательно идут на риск всеобщего коллапса, запуская региональный конфликт, особенно в Восточной Азии. В сентябре-октябре 1998 г. мировая экономика была на волосок от общемирового системного краха. Это признает и сам Харви. Включать подобные процессы в категорию «накопления через лишение собственности» — значит открыть данную категорию для абсолютно любых шагов, которые только может предпринять капиталистическое государство для того, чтобы создать политические привилегии

33 Harvey 2003, pp. 152–3.

своему собственному национальному капиталу за счет всех прочих капиталистических экономик: протекционизм, субсидии, манипуляции с валютой и т. д. Наверное, именно в силу того, что Харви приходит к столь необыкновенно широкому (и контрпродуктивному) определению «накопления через лишение собственности», он может сделать иначе необъяснимое утверждение о том, что «накопление через лишение собственности [...] превратилось сегодня в основную форму накопления, которая воспроизводит себя во все большем масштабе»³⁴. С помощью своего понятия «накопления через лишение собственности» Харви проделывает внушительную работу по реанимации тезиса Маркса о примитивном накоплении: он адаптирует его к условиям сегодняшнего дня и демонстрирует его ценность для понимания современного неолиберального империализма. Однако зачем расширять понятие без меры?

ИРАК

Конечная цель, преследуемая Харви, — понять авантюру Буша-младшего на Ближнем Востоке в контексте неолиберального империализма, который консолидировался на протяжении последней четверти века. Его отправная точка — тезис о том, что глобальное доминирование неолиберализма и связанный с ним новый империализм в 1990-х гг. показал свою полную деструктивность. «Сказочное (для финансов) десятилетие» окончилось серией региональных кризисов, подрывавших способность этого империализма и далее приносить огромные прибыли основным капиталам в развивающемся мире, а также, что еще более симптоматично, крушением «нового экономического» курса в США, Европе, Японии и Новых индустриальных странах (2000/2001). Воспользовавшись частичной дискредитацией мировой политической экономии Рубина-Саммерса, а также событием 9/11, новая группа во главе с Чейни, Рамсфельдом и неоконками, материальную базу которой составлял военно-индустриальный комплекс и ряд ключевых индустрий, таких как энергетика и агробизнес, захватили власть с программой построения мировой империи, которую они лелеяли на протяжении уже как минимум десяти лет. Согласно Харви, их основная цель состояла в том, чтобы навязать новый, гораздо более жесткий порядок и дисциплину как внутри страны, так и за ее пределами, и обеспечить процветание еще менее умеренному в своих притязаниях капиталу. Короче говоря, их цель — до предела милитаризованный империализм старого типа на службе гораздо более интенсивного неолиберализма. Решающим ударом должен был стать захват контроля над ближневосточной нефтью. Это необходимо было сделать не столько в интересах нефтяной промышленности, сколько для обретения инструмента экономической и геополитической власти. Учитывая ее редкость во всем мире, пишет Харви, «тот, кто контролирует Ближний восток, контролирует мировую нефтяную трубу, а тот, кто контролирует

34 Harvey 2003, p. 153.

ет мировую нефтяную трубу, может контролировать мировую экономику»³⁵. Его вывод неумолим: действия США в мире и особенно на Ближнем востоке в поисках контроля за мировой нефтью преследуют цель препятствования экономическому упадку через обеспечение США «эффективного контроля за мировой экономикой на следующие пятьдесят лет». «Есть ли лучший для США способ, — спрашивает Харви, — оторваться от конкурентов и гарантировать условия своего господства, чем контроль за ценами, условиями и распределением ключевого экономического ресурса, от которого зависят все конкуренты?»³⁶.

Несмотря на то, что позиция Харви была сформулирована к середине 2003 г., она представляет собой мощный и проницательный подход к необыкновенно сложному вопросу: «Почему Ирак?» или, если еще шире, что это вообще за история с Бушем-младшим. Три года спустя эти вопросы слишком усложнились, чтобы их можно было здесь подвергнуть адекватному рассмотрению. Ограничимся двумя краткими замечаниями.

Как мне кажется, Харви, делая упор на тот значительный переворот в политико-экономической перспективе, за которым последовала наступательная операция Буша-младшего, а также на тот новый особый альянс сил, который этот переворот вызвал, предлагает необходимую отправную точку для анализа вторжения в Ирак и его последствий. В 2000 г. наблюдалось почти полное единодушие на левом фланге и даже шире по поводу того, что вторжение США-МВФ в Корею и вступление Китая в ВТО, есть симптомы той формы современного империализма, которому предстоит господствовать в будущем неопределенный промежуток времени, и что отныне борьба за мировую справедливость выйдет для левых на первый план. Похоже, никто не предсказывал возможность того, что новые военные стратегии, настоящие мировые геополитические операции, свидетелями которых мы стали при Буше-младшем, станут основными формами современного империализма. Никто бы не поверил рассказам о том, что в скором будущем вьетнамский синдром полностью сойдет на нет, а организация мирового антивоенного движения станет основной задачей левого движения. Работа Харви делает первый шаг к ответу на вопрос о том, почему предсказывали одно, а получилось то, что получилось. Главная задача сейчас — последовать его примеру и продолжить начатую им работу.

Тезис Харви о том, что «все дело в нефти», кажется мне гораздо менее убедительным и перспективным. Разве возможно, чтобы нефть — наиболее глобализированная и прибыльная индустрия для сегодняшнего капитализма — оказалась (в плане производства, назначения цены, распределения и т. д.) подверженной государственному регулированию со стороны самого рыночно-свободного и завязанного на нефти режима в американской истории? Даже если бы к этому стремились, как такое могло произойти? Даже ОПЕК была не в силах определять цену нефти на протяжении большей части

35 Harvey 2003, p. 19.

36 Harvey 2003, p. 25.

периода 1980–2000 гг. Тем не менее, если бы такое все же было возможным, как, учитывая небольшую пропорцию издержек на нефть в общем числе издержек большинства корпораций, могло это помочь выжить промышленности США? В крайнем случае, это привело бы к такой разнице цен для американских и неамериканских компаний, что конкуренты Америки неизбежно бы ей отомстили, что в свою очередь привело бы к полному краху мировой экономики. Как вообще возможно отличить американские компании от неамериканских (это относится не только к нефтяным компаниям)? Нет, все это представляется мне мало реалистичным.

Любая попытка США использовать контроль за нефтяной трубой в качестве геополитического орудия путем отстранения оппонентов от добычи нефти будет рассматриваться как аналог объявления войны. Именно так было во время Второй мировой войны, когда США стремились перекрыть Японии доступ к нефти. Если США стремились к объявлению войны путем закрытия для некоей страны доступа к ближневосточной нефти, то не было никакой нужды в завоевании Ближнего Востока. Чтобы закрыть доступ к этому региону, достаточно было использовать свой контроль за воздухом и морем. Харви утверждает, что «любой военный конфликт, например с Китаем, будет односторонним, если США будут обладать властью, достаточной для того, чтобы перекрыть доступ противника к нефти»³⁷. Однако если Харви прав в этом своем допущении, то США относительно Китая не о чем беспокоиться: они уже обладают этой властью³⁸.

Как уже должно было стать ясным, работа «Новый империализм» Дэвида Харви обширна. Она предлагает интересные интерпретации чрезвычайно широкого круга ключевых вопросов, касающихся функционирования мирового капитализма сегодня. Она заслуживает самого широкого внимания читателей и самого серьезного изучения.

Перевод с английского Дмитрия Узланера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arendt, Hannah 1968, *Imperialism*, San Diego: Harvest.
2. Chibber, Vivek 2005, «Capital Outbound», *New Left Review*, II, 36: 151–8.
3. Harvey, David 1982, *The Limits to Capital*, Oxford: Basil Blackwell.
4. Harvey, David 2003, *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.
5. Luxemburg, Rosa 1968, *The Accumulation of Capital*, New York: Monthly Review Press.

³⁷ Harvey 2003, p. 25.

³⁸ Конечно, здесь предполагается, что та страна, которая будет конфликтовать с США, не сможет во время столкновений получать нефть из России.